

ДОКТОР НОННА

ШЛЕМАЭЛ

Житейские истории

Доктор Нонна

Шлемазл

«ЭКСМО»

2011

Нонна Д.

Шлемазл / Д. Нонна — «Эксмо», 2011 — (Житейские истории)

Реально оценив собственные способности в бизнесе, Марк решил отойти от дел, поручив свои акции Эду. Сам же он уехал с Валентином на Крит рисовать пейзажи. Эдик отыскал маму Зину, которая сильно постарела и жила на грани нищеты. Он стал ей материально помогать, но встречаться с ней старался пореже. Глядя на него, наладил связь с отцом и Димка. Эдик и Дима стали богаты. Сбылась мечта их детства. Их корпорация «ЭДИМ» благодаря препарату для профилактики онкологических заболеваний стала известна во всем мире. Чтобы ни случилось у них в жизни, всегда побеждала дружба и преданность друг другу.

© Нонна Д., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	15
Глава 7	18
Глава 8	19
Глава 9	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Доктор Нонна Шлемазл

Человеческая жизнь длинна, и мы успеваем пересмотреть свое отношение к разным людям.

М. Шнеерсон

*Шлемазл – по одной из версий: от *schlimm*, что в переводе с немецкого означает плохой, неудачный; и от ивритского «мазл», или, на идише, мазаль, – счастье, удача.*

Шлемазл – человек, которому хронически не везет.

Шлемазл – недотепа, тормоз, придурок, почемучка.

Одесские словечки

Глава 1

Надо сказать, что, когда родился Эдик, никаких мужчин в семье не было и в помине.

Над семьей витал своеобразный рок – в ней рождались исключительно девочки, а мужчины, так называемые отцы, практически не задерживались.

Стоял конец сентября – промозглая сырость, желтые листья... Осень для Вильнюса в тот год была необычайно ранней.

Забирать новорожденного и маму Зинку пришла только бабушка Фаина. Она немного припоздала и встретила дочь на ступенях роддома.

– Давай его сюда! – грозно прикрикнула Фаина.

Забрав сверток из старенького одеяла, она откинула треугольник ажурного конверта и с тревожным любопытством взглянула вовнутрь, после чего радостно улыбнулась.

– Он таки шлемазл.

Фаине, стареющей и совсем не молодящейся женщине, давно миновало пятьдесят лет. Любая подруга-злопыхательница могла бы сказать, что Фаина тянет на все шестьдесят, но так как она ни с кем близко не общалась, расстраивать ее было некому.

Зинку Фаина родила случайно.

Вильнюсская швейная фабрика, где она тогда работала, шила пестрые дешевые платьица для всего Советского Союза. Фаина твердой рукой вставляла детали кроя в «оверлок» и стойко терпела подавляющий шум сорока швейных машин, расположенных в одном помещении. А куда деваться? Высшего образования она не получила, сама росла в семье матери-одиночки и большую часть маминой пенсии и своей зарплаты тратила на лекарства для родительницы-сердечницы, пока та была жива.

К тридцати двум годам Фаина смирилась с тем, что помрет в девках.

И тут приключился не то очень смешной, не то совсем невеселый случай.

На фабрике всегда широко отмечали праздники. Чего ж не отметить, если за счет профкома? А уж спраздновать Новый год все бабоньки старались так, чтобы не было мучительно больно первого января вспоминать оставленную закуску и недопитую водку.

Выпили в цехе от души, и главный технолог Борис Иванович, единственный мужчина на производстве, по пьяной лавочке вспомнил, что имеется неокученная им машинистка-мотоцистка – Фаина. Девушка, конечно, не первой свежести и с лица не Мэрилин Монро, но нужно оправдать звание самого сексуального мужчины фабрики, собрать свое мужское мужество в кулак и осчастливить бедную Фаинку.

Прямо на тюках новой ткани, еще пахнувших машинным маслом, излил он свою сперму в лоно Фаины – передовика швейного производства.

Больше всего главного технолога удивил тот факт, что швея-мотористка шестого разряда в тридцать с гаком лет была девственницей. Удовольствия от совершенного акта он не получил никакого и даже стало жаль помятую новую ткань, запачканную кровью.

После праздника мелкие угрызения совести терзали Бориса Ивановича недолго и закончились констатацией факта: «Не зря ее называют чокнутой. Если до тридцатника никому не была нужна, значит, и мне без надобности».

Эта мысль полностью освободила его от дальнейшей ответственности, и больше о Фаине он ни разу не вспомнил. Через полгода технолог собрал вещи и уехал в Москву, как потом говорили, «пошел на повышение». Фаина его никогда больше не видела.

Зинка, зачатая в ночь на 1 января 1953 года, родилась здоровой и жизнерадостной.

Всю свою ненависть к мужчинам мама Фаина вложила в воспитание дочери.

В послевоенное время мужчины в стране повсеместно оказались в дефиците, поэтому Зинка росла исключительно среди женщин.

Родственников-мужчин у них не имелось, на фабрике у Фаины работали только девушки или разведенки, а с друзьями не сложилось. Наверное, поэтому уже в двенадцать лет Зинка начала проявлять интерес к мальчикам. Она сама поцеловала одноклассника Женьку, когда тот открыл перед ней тяжелую дверь в школу. Не то чтобы он ей нравился, но очень захотелось пережить запретное ощущение. Ей понравилось.

А потом понеслось-поехало. В восьмом классе, в четырнадцать лет, Зинка узнала, что такое близость с мужчиной. Мужчиной оказался парень на год ее старше. Повезло, что он учился в другой школе, к тому же был литовцем и не отличался особой болтливостью. О том, чтобы не «залететь», думал именно он. Зинка настолько увлеклась «процессом любви», что не сразу приходила в себя после яркого окончания.

Жили Зинка с Фаиной в старом районе Вильнюса в убогой и неухоженной квартире.

Выбитое стекло на кухне заменили фанерой, и не только потому, что денег катастрофически не хватало – так было проще. От женщин не требовалось никаких усилий – ни стекло покупать, ни стекольщика искать, ни за работу ему платить.

На кухне стояла семейная реликвия – эмалированная полукруглая ванна на бронзовых ножках, оставшаяся от богатых литовцев, у которых когда-то была шикарная восьмикомнатная квартира. С приходом советской власти одну квартиру поделили на пять квартиршек, и в самой неказистой из них, однокомнатной, оказалась эта самая ванна.

Фаина принесла с работы, вернее утащила, кусок прорезиненной темно-синей ткани и завесила угол в кухне, отделив ванную. Это был первый и последний опыт улучшения их жилища.

Глава 2

Вся жизнь семьи, как и у большинства людей того времени, протекала на кухне, среди старой мебели, шкафов, забытых пакетами с крупами и множеством пыльных банок – пустых или с консервированными огурцами-помидорами. Телевизора у них не было до семидесятых годов, и Зинка скучала, старалась не сидеть дома, все чаще болталась по улице.

Фаина много работала, стояла в очередях за продуктами, перешивала старые платья, готовила на скорую руку. Из-за хронической занятости она проглядела, что дочь забеременела.

После пневмонии Зинка пошла в районную поликлинику продлевать школьную справку. Отсидела огромную очередь к терапевту среди бабок и старичков, с ужасом прислушиваясь к рассказам об их болезнях, названия и симптомы которых они произносили с особым удовольствием. После узнала от терапевта о новых болезнях, которые еще ждут ее саму. Терапевту, пожилой женщине, пухленькую, аппетитную Зинку было не жалко, и она назначила ей кучу антибиотиков и послала ее на флюорографию.

Рентгеновский кабинет освещался тусклой красной лампой. Стоя между какими-то агрегатами, сдавившими ее так, что дышать было почти невозможно, Зинка честно пыталась выполнять приказы, которые отдавал полнеющий мужчина лет сорока – высокий, с усами, в очках с золоченой оправой, с крепкими руками.

– Дыши, девушка-красавица, не дыши...

Рентгенолога звали Моня. Стоматологи, рентгенологи и гинекологи чаще всего были и есть евреи. Профессии не самые приятные, зато полезные, и твердая копейка всегда в кармане.

Моня сконцентрировал свое внимание на обнаженной Зинкиной груди с розовыми сосками и возбудился так, как у него не случалось лет пять... А все остальное произошло молниеносно. За рентгеновским аппаратом последовала простая кушетка. Зинка не сопротивлялась – *это* ей нравилось намного больше, чем быть зажатой между частями бездушной рентгено-техники.

Моня был женат, у него росло трое детей. Он работал на две ставки, целыми днями не выходил из поликлиники, чтобы прокормить семью, но при этом оставался бабником. В поликлинике романов не заводил, опасался, а с пациентками – случалось, баловался.

Отдышавшись после секса, Моня застегнул штаны, запахнул белый халат и сел на кушетку, рядом с Зинкой.

– Нравится тебе это дело.

– Нравится, – весело подтвердила Зинка.

– И давно ты... не девочка?

– Скоро три года. – Зинка надела трусики, поправила подол теплого платья и гольфы. – Я этот день как праздник отмечаю.

Похлопав себя по карманам, Моня достал портмоне и вынул двадцать пять рублей.

– Держи, куртку себе хорошую купишь.

– Спасибо, – улыбнулась Зинка.

Когда она выходила из кабинета – молоденькая, кудрявая, с ангельским румянцем на щеках, Моня подумал, что нужно было спросить девчонку, как она предохраняется. Но в кабинет ввалился подвыпивший парень, которого привезли прямо с работы, со стройки, со сломанной рукой, и Моня отвлекся на пациента.

Зинка рассказала матери, что беременна уже на пятом месяце. Аборт делать поздно.

– От кого залетела? – попыталась выяснить Фаина.

– От рентгенолога, – неуверенно ответила Зинка и опустила глаза.

– А может, от того, от литовца длинного?

– Нет. – Голос дочки стал увереннее. – С ним я еще в прошлом году рассталась. После него у меня еще были... – Зинка ловко достала из трехлитровой банки малосольный огурец и смачно захрустела им, сверкая ровными зубами.

– От мужчин в жизни только грязь и дети, – в очередной раз печально изрекла Фаина. – От ведь дурная ты у меня, не понимаешь, что нас теперь ждет. Но шо я нам с тобой скажу? Моня – это малое имя от Шимон. У нашего ребенка не будет отчества Шимоновна. Пусть будет, как и у тебя – Борисовна.

– А если будет мальчик? – Зинка достала из банки второй огурец.

– От чего не помню, так шобы у нас рождались пацаны – сплошные девки.

Эдик появился на свет в необычайно холодную сентябрьскую ночь.

– Эдик, к сожалению, мальчик, но он наш родной шлемазл. Никуда не денешься, будем растить и кормить, – вынесла решение бабушка.

Так же, как и его маму, мальчика оградили от мужского общения. Бабенька, как называл Фаину Эдик, была для него всем – матерью, отцом, другом. Зинка, как только родила сына, сразу ударилась в загул.

Она меняла мужчин чаще, чем следовали друг за другом времена года. Иногда смена партнера происходила каждый месяц... Фаина ругалась, обзывала дочь дурой и блядью, но Зинка то весело показывала тонкое золотое колечко, то ставила на стол в кухне дефицитный кремовый торт:

– Заработала, мам.

У Зины была школьная подруга Лора, крупная, красивая литовка. Что связывало во всем правильную, хозяйственную и умную Лору с Зинкой, понять было невозможно, но их дружба была искренней и длилась долгие годы. Именно у Лоры Эдик впервые попробовал цеппелины – национальное литовское блюдо и понял, что едой можно не только набивать желудок, снимая спазм мальчишеского голода, но и наслаждаться.

Он со священным восторгом наблюдал, как варится картошка, как со скрипом прокручивается в старой мясорубке мясо вместе с жилами и салом, как жарится это мясо с огромным количеством лука. Как затем ловкие руки Лоры лепят цеппелины, в которых из экономии картофеля было в два раза больше, чем мяса, как из кипящей воды достаются вожделенные цеппелины, укладываются на тарелку и поливаются густой сметаной.

Это было божественно вкусно!

Собирая Эдика в первый класс, бабенька купила ему настоящий школьный костюм с брюками вместо тренировочных штанов с вытянутыми коленями и две белые рубашки.

Первого сентября Эдик стоял перед небольшим мутным зеркалом в коридоре. Непривычный костюм подчеркивал узкие плечи первоклассника, сквозь букет гладиолусов были видны огромный нос с горбинкой, яркие темные глаза и криво подстриженные волосы. Фаина и Зинка, на время вспомнившая о материнском долге, стояли сзади мальчика и довольно переглядывались. Они считали, что Эдик красавец.

Он слушал похвалы и постоянно шмыгал носом, у Эдика часто текли сопли, и он гундосил.

Через неделю Эдик понял, что дети в школе его сторонятся. Школа была русскоязычной, но на переменках почти все говорили по-литовски, а он, с раннего детства ограниченный в общении, плохо его понимал. А еще мальчик не знал, что он отличается от одноклассников не только незнанием литовского, но и тем, что он еврей.

Зато характер у Эдика был золотой: он всех любил, никогда ни с кем не ссорился, готов был отдать все, что у него есть, по первой просьбе, и даже терпимо относился к тем, кто дразнил его, называя «сопля зеленая».

Эдичка носил девчонкам портфели и всем подсказывал на уроках математики. Математика ему давалась особенно легко, и первое, что он выучил по-литовски, были цифры: *vienas, du, trys, keturi, penki*¹ и так далее. Их он произносил без акцента.

¹ Один, два, три, четыре, пять (*лит.*).

Глава 3

Но детство на то и детство, чтобы в нем происходили чудеса. В третьем классе у Эдика появился настоящий друг – Димка. Его семья приехала из Радуня, городишка на границе Литвы и Белоруссии.

Бабенька, узнав о новом однокласснике Эдика, отличнике, да еще и еврее, благословила внука:

– Таки уже дружи с ним, шо тебе в одиночку бегать. И хоть будет с кем по-русски поругаться. Пацан, как и ты, ни черта не знает по-литовски.

Родители Димки были врачами. Когда Эдик первый раз пришел к ним в гости, Димина мама, Галя, сказала: «У тебя гайморит», – и выписала рецепт, попросив передать его бабеньке. Та попыталась понять латынь в медицинской бумажке, сходила в аптеку, приценилась, после чего сложила рецепт и спрятала.

– Тратить на детский шнобель² такие деньги? Нет, я таки не богачка. Невроко³, сама справлюсь.

Она лечила внука народным методом: отваривала вкрутую яйца и горячими прикладывала их через грязный носовой платок к гайморовым пазухам. Эдику было очень горячо, но насморк не проходил.

Увидев, что приятель сына по-прежнему шмыгает носом, Галя сама купила лекарства и стала делать мальчику уколы. Через неделю он был здоров.

Детская дружба окрепла во дворе. Дома у Эдика была бабенька, которая не очень жаловала гостей, а у Димки имелась маленькая сестричка Леночка, которая все время капризничала и никому не давала покоя, поэтому мальчишки с радостью носились по двору вдвоем и орали друг на друга по-русски.

Ни Димке, ни Эдику не давали карманных денег, так что они чувствовали себя самыми нищими в городе. Именно тогда, в десять лет, они решили, что, когда вырастут, будут очень богатыми.

Во дворе, за гаражами, они написали на вырванном из тетрадки в клетку листке клятву и расписались кровью – прокололи пальцы металлической медицинской «стрелкой», которую Димка стащил у мамы. У Димки ранка неделю нарывала и гноилась, у Эдика все обошлось.

Пока же, до воплощения в жизнь клятвы и обретения богатства, им приходилось перебиваться случайными заработками – за копейки они помогали теткам нести тяжелые сумки от продуктового магазина, что был во дворе, до квартиры.

Накопив необходимую сумму, Эдик и Димка купили велосипед – один на двоих. Мальчишки были настоящими друзьями и никогда не ругались, решая, кому и когда кататься.

Однажды они несли сумки пожилой даме в соседний двор.

– Ачо⁴, – сказала она и расплатилась за помощь так щедро, как еще никто не расплачивался.

От таких денег закружилась голова, и Димка с Эдиком немедленно начали строить грандиозные планы на будущее – они уже давно хотели купить модель автомобиля. Перебивая друг друга, обсуждая, как все устроить получше, мальчишки влетели в свой двор.

– Ты где велик оставил? – первым опомнился Дима.

– Здесь! – Эдик хлопнул громадным носом, собираясь заплакать. – У забора.

² Нос (*идши*).

³ Бог даст, может быть (*идши*).

⁴ Спасибо (*лит.*).

Он прекрасно помнил, что прислонил велосипед к заборчику, ограждающему проезжую часть от газона и детской площадки.

– Тут его нет. Вспоминай! – наступал Димка.

– Да здесь он был, я его, того, всегда здесь оставляю! – Эдик заплакал от обиды.

– Правильно тебя зовут шлемазлом, – бросил ему Дима.

Тут же раздался из окна крик бабеньки:

– Эдичка! Домой!

Мальчики, обиженные друг на друга, разошлись в разные стороны.

Велосипеда не стало. Этот день остался в памяти у обоих навсегда, и вовсе не из-за потери любимого велика... Дома мальчишек ждали ошеломляющие новости.

Димка узнал, что папа ушел от мамы, от него, от Леночки и собрался уезжать в Америку.

У Эдика новости были похожие: мама Зинка тоже уезжала в Америку и бросала сына с больной и старой бабенькой. Но главное было даже не это, а то, что Димин отец, Александр, уезжал с мамой Эдика, Зиной.

Эдик растерялся. Он не боялся оставаться с бабенькой – Фаина была для него всем в этом мире, его вселенной, но то, что мама уезжает с Диминим папой, повергло мальчика в шок. До этого в его жизни еще не существовало слов «измена» и «предательство».

Глава 4

Мать Эдик видел редко и любил, когда Зины не было дома.

О том, что у людей бывают нормальные семьи, он узнал, только побывав в гостях у Димки. Мама Галя, со слов друга, была очень строгой, но он просто не знал, что строгая – это его бабенька! А тетя Галя была красивая, элегантная, вкусно готовила, все успевала и часто смеялась. С порога она всегда встречала их одними и теми же словами:

– Мальчики, тщательно мойте руки, особенно ты, Эдька, и за стол.

А на столе – грибной суп, салат оливье, в духовке курочка с румяной корочкой. На десерт – это слово он узнал только в Димкиной семье – вафельный торт, который Галя делала по особому рецепту.

Эдик знал, что, если он пообедает у Димки, бабенька его отлупит грязным кухонным полотенцем, но за эти вкусности готов был терпеть все.

В злополучный день детским чутьем Эдик понял, что в том, что его мама и Димкин папа уезжают в Америку вместе, есть что-то страшное и необратимое.

По географии у него была тройка, близкая к двойке, но отличник Дима показал другу на карте, где она, эта Америка. Эдик, хотя мало что смыслил в масштабах, понял, что это очень далеко.

Бабенька причитала на весь дом:

– На шо жить? А? У меня только тощая пензия и слабая подработка на фабрике! А если я умру? С кем останется этот шлемазл?

Эдик второй раз за день услышал незнакомое слово. Для себя он уже перевел его так: шлемазл – мальчик в мотоциклетном шлеме. Причем раз шлем – значит, для защиты.

– Мама, да ты нас всех переживешь! – Зинка легкомысленно рассмеялась. – Я в момент устроюсь и сразу заберу вас обоих в тую Америку.

В доме Димки все происходило в полной тишине.

Александр взял приготовленные чемодан с сумкой, подошел к двери и повернулся к бывшей жене, сидящей ссутулившись на кровати в их спальне.

– Устроюсь и буду платить алименты.

Галя встала, позвала детей, обняла и заперлась с ними в детской.

– Теперь мужчиной в доме буду я, – пообещал сын, глядя в закрытую дверь комнаты. – Я даже умею зарабатывать деньги. Правда... – Димка нахмурился. – Сегодня у нас с Эдиком украли велосипед.

Когда за мужем захлопнулась входная дверь, Галина обхватила голову и спрятала лицо в ладонях.

Леночка играла со своей любимой куклой, не обращая на маму и брата внимания.

Диме стало страшно. Он всегда боялся, когда мама молчала. Лучше бы она накричала или стукнула.

Правда, били его всего один раз в жизни, и то скорее для острастки. Пару раз вытянули ремнем, когда он сунул в рот плачущей полугодовой Ленке большую шоколадную конфету.

Сейчас Димка не выдержал напряжения и заплакал. Мама обняла его, положила голову сына на колени и гладила, пока он не заснул.

Утром мама заговорила первая.

– Теперь мы остались одни. Нужны деньги. Я возьму дополнительные дежурства. Леночку устроим в круглосуточный садик. Ты после школы будешь ходить к соседке с первого этажа Лайме, делать уроки. И спать вечером тебя будет укладывать она.

Неуверенность в завтрашнем дне воцарилась и в доме у Эдика.

После завтрака на скорую руку бабенька сказала:

– Из школы сразу домой! Пойдешь со мной в магазин за овощами. Потом я схожу на фабрику, переоформлюсь-таки надомницей – пуговицы пришивать можно и дома. Вечером будем мыть наш подъезд. – В ее глазах заблестели слезы и она запричитала: – Как же мы на мою одну пенсию проживем?.. И так еле-еле сводим концы с концами!..

У друзей началась новая жизнь – у одного без отца, у другого без матери.

Но детство брало свое, и они постепенно привыкли к своему новому положению. Жизнь начала входить в привычную колею.

Глава 5

Шли месяцы, пейзаж за окном поменялся. Зеленые листья сначала распустились, потом пожелтели и съжились, словно попытались стать невесомыми и остаться на дереве до следующей весны, но им это не удалось: пришло время, и они улетели под ноги прохожим и, собранные безжалостными метлами и граблями дворников, сгорели в кострах, не оставив после себя ничего, кроме клубов дыма.

Друзья росли, все делили друг с другом поровну и продолжали понемногу зарабатывать.

А потом заболела бабенька. Она очень мучилась из-за артрита, суставы рук и ног безобразно деформировались, добавилась нестерпимая боль в спине. Ей пришлось оставить подработку и жить на одну пенсию.

Денег катастрофически не хватало. Эдик, как мог, ухаживал за Фаиной.

– Только не умирай, – просил он ее.

– На кого я его оставлю, малого и неприкаянного... – причитала бабенька.

За полгода она резко сдала. В ее глазах, всегда излучавших тепло и энергию, пропала маленькая, данная природой искорка, которая помогала в самые трудные минуты жизни. В последнее время бессонными ночами она думала о будущем Эдика и о своей несложившейся жизни, в которой ничего стоящего, кроме любимого внука, и не было.

Как-то, когда боли были просто нестерпимыми, Фаина написала письмо дочери. Написала обо всем: и о своей болезни, и о безвыходном положении, и об Эдике. Но на следующий день, когда ей стало немного лучше, она передумала его отправлять.

– А вдруг у нее совесть проснется и она заберет ребенка в Америку? Таки не дождетесь! – Ни к кому не обращаясь, пробормотала Фаина и порвала письмо.

Видимо, Господь не забыл о бабушке и внуке. Бабенька пошла на поправку.

Глава 6

Димка был худым, с большими еврейскими глазами и вечными синяками под ними – давали о себе знать вечное недосыпание и постоянная зубрежка. Он с удовольствием таскал голодному Эдику свои бутерброды, котлеты и сладости, но бабеньке из этого редко что перепало. Чувствуя свою вину перед Фаиной, мальчики решили украсть деньги. Вот только у кого?

Они часто помогали соседке Доноте донести тяжелые сумки. Женщина при этом рассеянно кивала, мол, киньте у порога, а сама шла в гостиную. Свою сумочку она ставила на трюмо у входной двери.

Насмотревшись на сумку с толстым, торчащим из нее кошельком, ребята выработали план. Димка должен был отвлечь Доноту, а Эдик, взяв немного денег из кошелька, положить его обратно.

Димка очень боялся этого, целую неделю отговаривал Эдика, но когда в очередной раз зашел за ним домой, то увидел бабеньку. Старуха корявыми артритными пальцами сыпала в кастрюлю с кипятком серую вермишель. Та просыпалась сквозь страшные пальцы на плиту, а Фаина пыталась подцепить просыпавшиеся вермишелины и тихо, чуть не плача, ругалась.

Димка решился.

Все шло как по маслу. Донота прошла в комнату. Эдик быстро сунул руку в сумку, нащупал кошелек, открыл, захватил наугад несколько купюр... и вдруг заорал:

– Помогите!

Со шкафа, стоящего рядом с трюмо, на плечо Эдику прыгнул огромный серый кот, вцепился когтями в рубашку, а сквозь нее в кожу, раздирая ее.

Соседка обернулась на крик... Словом, их поймали с поличным.

Эдик побледнел как полотно и воззвал к чувствам Доноты:

– Если вы сдадите меня в милицию, моя бабенька умрет!

Димка стоял рядом и рыдал, размазывая по лицу слезы грязными после улицы кулаками.

На крик прибежала соседка сверху, и сразу за ней – ее муж. Оба были в одинаковых халатах, с газетами в руках. Толстые и спокойные, они, не торопясь, схватили растерявшихся мальчишек за руки.

Соседка перестала кричать и показала мальчикам на входную дверь.

– Вон, воришки неблагодарные! А еще евреи. Хуже русских!

Вечером Димка не выдержал и рассказал все маме. Галя сказала, что их соседи во дворе, в большинстве своем, хорошие люди.

– Пройдите по дому вместе с Эдиком и попросите помощь на лечение бабеньки, – посоветовала она.

– Ты хочешь, чтобы мы были попрошайками?

– Это лучше и честнее, чем воровать! – строго ответила мама. – Спросите, может, вам предложат какую-то работу.

Мальчишки так и сделали.

Первой помогла соседка Димки, Лайма, дав для бабеньки целых десять рублей. Другой сосед, бывший военный, предложил мальчишкам раз в неделю мыть у него полы. Соседи из дома напротив – гулять с собаками. И почти все соседи хоть что-то дали, кто рубль, кто анальгин.

Неожиданно в гости к Фаине приехала Лора. Она уже два года жила в новом квартале на окраине Вильнюса. Сейчас, услышав от знакомых о случившемся, привезла немного денег и кастрюлю цеппелинов.

– Не ожидала я, тетя Фаина, что Зинка уедет в Америку и вас не заберет. Она всегда была легкомысленной, но что бросила сына – это неправильно. – Лора старательно выговаривала

русские слова. – Я сейчас полы у вас помою и поеду. Я замуж вышла, муж любит, чтобы дома был и обед, и ужин.

Фаина расплакалась, наблюдая, как располневшая Лора, с наметившимся животом, тщательно мыла полы в их захлавленной квартире.

Прибежавший с улицы Эдик стеснительно шмыгал носом, здороваясь с бывшей маминной одноклассницей. Но, как только он почувствовал запах любимых цеппелинов, вся его скромность пропала, и он побежал на кухню. Он съел половину кастрюли, прежде чем вспомнил о бабенке. Та уверила, что уже пообедала – пусть Эдичка доедает.

Лора, не слушая их разговор, переложила остатки цеппелинов в тарелку и убрала в холодильник.

Вымыв кастрюлю, она положила ее в авоську.

– Вы держитесь. Я после родов к вам приезжать не смогу, муж не отпустит.

Два раза в день Димка гулял с соседской овчаркой. Эдик для прогулок выбрал таксу. Он скрывал, что панически боится больших собак. Однажды, когда выгуливал маленького таксера и к нему подошел Димка с овчаркой, он от страха немного описался.

Бабенка стирала штаны и ворчала.

– Шлемазл описанный. Шо тебе тая собака? Здоровые умные собаки не кусаются, бойся молчаливых шавок.

Эдик стыдился своего страха и из принципа стал ходить вместе с Димкой, постепенно привыкая к овчарке.

Первый сексуальный опыт ребята получили в шестнадцать лет во дворе, с соседкой Наташкой, девушкой, как тогда говорили, легкого поведения.

Однажды, когда они что-то обсуждали, стоя в Димкином подъезде, Наташка, изрядно выпившая, возвращалась домой. В расстегнутом легком плаще, под которым была прозрачная блузка и короткая юбка над полными ногами, в ажурных колготках да еще в новых полусапожках на каблук – не каждая девушка могла себе позволить так сексуально одеться – она выглядела сногшибательно.

Тряхнув коротко стриженными светлыми волосами, Наташка близко подошла к пацанам и спросила, смеясь:

– Что, огурцы, дозрели?

– Да! – со стыдной надеждой ответили ребята.

– Тогда пошли!

– Вдвоем?

– Но вас же только двое?

И они отправились к Наташке, в ее однокомнатную квартиру. На стене около дивана висел красный ковер с рисунком – по тем временам признак роскоши. В углу стоял черно-белый телевизор и, к удивлению ребят, видеоманитофон. Наташка нажала на кнопку, и Димка с Эдиком раскрыли рты. Они слышали про видеоманитофоны и порнофильмы, но видели это впервые. Впрочем, и без кино за эрекцией дело не стало.

– Эй ты, носатый! – Наташка позвала Эдика. – Будешь первым.

Димка стал вторым...

Сам процесс прошел быстро и неряшливо. От пьяной Наташки пахло водкой и потом, зато появилось полное моральное удовлетворение – они стали мужчинами.

В награду оба получили гонорею... У Эдика она протекала особенно тяжело.

Через две недели Димка, преодолевая стыд уговорами, что его мама все-таки врач, рассказал о случившемся Галине.

– Что, гной из хвоста капает? – брезгливо спросила она.

– Да. – Димка даже не покраснел, настолько ему было плохо.

Целую неделю мама делала уколы, и у Димки все обошлось.

А вот Эдика, стеснявшегося прийти в кожвендиспансер, пришлось оперировать: инфекция привела к воспалению верхней плоти. Фаина так ничего и не узнала.

– Зато теперь он настоящий еврей, – сказала Димина мама, которая лично отводила Эдика к знакомой врачихе.

– А я? – поинтересовался сын.

– А тебе мы это сделаем в Израиле.

– Это когда же? – поразился Дима.

– Когда время придет, – уверенно ответила Галя.

Глава 7

Началась перестройка, открылись границы, и многие евреи начали уезжать кто куда, главное – подальше от Советского Союза. Димины мама всерьез засобирались ехать в Израиль.

– Почему в Израиль? – не понимал Дима. – Я хочу в Штаты. Там все-таки папа...

– Твой папа нас к себе не зовет, за четыре года позвонил восемь раз, прислал три письма и пятьдесят рублей денег. А из Израиля мы уже получили приглашение. Теперь целый год придется собирать документы и продавать вещи. С собою в Землю обетованную можно брать только деньги и знания. Английский ты более-менее знаешь, начинай учить иврит.

Димка решил, что год – это очень долго, и успокоился.

Между тем пришла пора выпускных экзаменов и первой любви. Оба, конечно, влюбились в одну девушку – Элли, первую красавицу в классе. Димке нравилось, что она была умной, а Эдик был в восторге от ее смазливой мордашки и длинных волос. К тому же он привык все делать за компанию с другом.

Они так и ходили везде втроем, пока Элли все это не надоело и она не вышла замуж за Мишку, их одноклассника. Оказывается, после долгих, изматывающих ее девичье терпение прогулок с Димой и Эдиком по паркам и улицам Вильнюса она спешила к Михаилу и отрывалась с ним по полной программе. Дима и Эдик тяжело пережили ее предательство, но в глубине души оба были довольны тем, что им не пришлось рассориться.

Окончив школу, Эдик решил поступать в медицинский, чтобы лечить бабенку.

У него было не очень хорошо с оценками по гуманитарным предметам, зато точные науки ему давались легко, и по ним, как и по химии и биологии, в аттестате стояли твердые пятерки.

В Вильнюсе мединститута не было, и Эдик поехал в Москву.

Одновременно Димины семья получила разрешение на выезд.

Уехали, без сожаления продав квартиру, обстановку и вещи. Денег получили мало – литовцы и русские, соседи и знакомые, без зазрения совести воспользовались их безвыходной ситуацией.

Галина сразу устроилась в Израиле на работу, правда, только медсестрой. Чтобы получить место врача, ей предстояло в следующем году подтвердить свой диплом.

Леночка пошла учиться в школу рядом с домом. Проблем с языком у нее не было, почти в каждой школе Израиля в то время существовал русскоязычный класс. Но заново учить иврит пришлось всем с первого дня пребывания на исторической родине.

Спустя полгода Диму забрали в армию. Он попал в танковую часть, где ему сильно доставалось за нерешительный и излишне деликатный характер, но к концу службы он сильно изменился.

После армии Дима пошел учиться в Хайфский политехнический институт – Технион, как его здесь называли. Учился, как и в школе, отлично, а подработку нашел по месту прежней службы.

Глава 8

Эдик поступил в Первый медицинский институт имени Сеченова.

Он учился с таким остервенением, что очень быстро стал заметной фигурой на потоке.

Среди тысяч студентов Эдик отличался некоторой, как говорили его однокурсники, «диковатостью».

После жизни в Вильнюсе, с его неторопливостью, сумасшедший ритм Москвы окончательно закомплексовал его. Триста тысяч населения литовской столицы казались ему когда-то невысказанным скоплением народа. Теперь он увидел, что такое город в десять миллионов, треть из которых – приезжие.

Эдик получил койку в общежитии и, в отличие от большинства студентов, не загулял на неделю, а уткнулся в учебники.

Не привыкший к особой чистоте в квартире бабеньки, где самым ценным предметом являлась старинная эмалированная ванная на кухне, а вместо стекла в форточке двадцать лет торчала фанерка, он не обращал внимания на грязный пол, мутное окно и обертки на столе.

Не избалованный кулинарными изысками, он с удовольствием обедал в студенческой столовке. У бабеньки любимым блюдом была вареная курица и все, что к ней прилагалось, то есть бульон, а после жидкий супчик на том же бульоне, с окончательно разварившимися остатками курицы. Теперь же Эдик с удовольствием ел котлеты, сосиски и даже свиную поджарку, которую бабушка принципиально не признавала.

В Вильнюсе Эдик чувствовал себя изгоем, дружил только с Димкой, и никто не лез к нему с предложениями дружбы. В Москве, где шестьдесят процентов студентов были иногородними и выходцами из «дружественных» пятнадцати республик, приходилось ежедневно общаться с новыми знакомыми. Эдик с ходу стал отличником, и многим ребятам позарез были нужны его конспекты. Но дружить не получалось – он почти не пил, у него не было свободных денег, и он не умел рассказывать анекдоты.

А еще у него просто не было ни сил, ни времени на тусовки. Денег катастрофически не хватало, и ему пришлось пойти на работу в больницу, точнее в Институт скорой помощи имени Николая Васильевича Склифосовского. Туда устраивались студенты всех «медов» – кто санитаром, кто медбратом. Эдик, неожиданно для отдела кадров, попросился сиделкой.

– Я за бабушкой два года ухаживал, есть опыт. И в дальнейшем хочу работать в системе социального ухода за больными.

Вид серьезного Эдика, высокого и худощавого носатого еврейчика с умными глазами, произвел благотворное впечатление на ушлых сотрудниц отдела кадров, и его оформили сиделкой к тяжелым послеоперационным больным.

Вскоре появились и частные заказы – работать сиделкой на дому, и Эдика это очень устраивало: во-первых, кормили гораздо лучше и, из сострадания к его худобе, давали еду с собой, во-вторых, не дергали, когда не хватало медсестер в процедурном кабинете или на перевязках, а в-третьих, на этих дежурствах он мог заниматься – читать учебники, писать курсовые и рефераты.

Новый друг нашел его сам. Однокурсник Марк – лоботряс и тусовщик – явился в общежитие на очередную попойку и заглянул к Эдику за конспектом по биопсии. Его джинсы, футболка с надписью на английском «Трахни меня, детка», кроссовки и бейсболка фирмы «Адидас» вызвали зависть даже у Эдика, равнодушного к тряпкам.

В Союзе тогда мало кто мог похвастаться настолько модной и дорогой экипировкой. Эдик слышал, как хвалился Марк в институтском туалете: «Кто носит фирму «Адидас», тому любая баба даст».

Уверенно войдя в комнату, Марк кинул дипломат на ближнюю к двери койку.

– Ну и гряззища у тебя, Эд, ты настоящий шлемазл. Разве может быть у хорошего медика такой бардак? Есть у тебя веник и половая тряпка?

Эдик, среагировавший на обращение «шлемазл», оторвался от учебника.

– Я не знаю. А что, пора мыть полы? – Он равнодушно посмотрел на линолеум с серыми пятнами и грязными разводами.

– И тейбл обклининговать, то есть на столе убрать. – Марк прошел к окну, сел на свободный стул. – Вас здесь трое на пятнадцати квадратных метрах, неужели трудно установить дежурство по уборке?

– А-а... – Эдик переложил учебник на заваленный бумажками и очистками стол. – Я же того, один здесь. Миха снимает комнату в городе, а Сергей у девушки живет, в другом корпусе.

– Да у тебя просто лафа, Эд! О'кей! Вот где мы водку будем пить с ребятами. – Марк повторно оглядел комнату. – Только нужно сделать уборку. Вставай, академик Склифосовский, бери в руки веник, а я пока повыбрасываю все шит⁵ со стола.

Уборка, которой Эдик боялся целый месяц, заняла всего полчаса. Сев на свою кровать, он с удовольствием оглядел влажный пол, чистый стол с ровной стопкой учебников и белый, а не серый подоконник. Между рамами, в связи с отсутствием холодильника, были аккуратно расставлены продукты, на тумбочку водружены электрический чайник, пачка кускового сахара и пакет любимого печенья курабье.

Вернувшись из туалета, Марк встряхнул мокрыми руками.

– Повторяю, Эд. Врач – профессия людей, любящих чистоту. Лиссен ту ми, плиз⁶. Когда мы решим зависнуть у тебя виз бойс энд герлз⁷, я тебе помогу с уборкой, а ты, когда не увидишь меня на лекции, пиши конспект под копирку. О'кей?

Эдик представил себе вечеринки с алкоголем и девушками, да еще практически бесплатно... и пожал протянутую руку Эдика.

– Идет.

В гостях у Марка Эдик не переставал удивляться. Прежде всего его поразил сам дом, из тех, которые в Москве называют сталинскими, даже внешне он внушал уверенность и уважение.

– Ты особо у нас не шуми, – предупредил Марк, открывая высокую дверь подъезда специальным ключом. – Отца, скорее всего, дома нет, он все время в своей клинике. Как только пять лет назад началась перестройка, он сразу вложил в нее, что имел, и теперь пропадает там сутками, зарабатывает очередную ученую степень и деньги для семьи. Он у меня почти академик. А насчет мамы я не уверен. Она психолог, работает, когда захочет. Между прочим, она уже профессор, хоть ей всего тридцать семь.

Марк довольно рассмеялся и вызвал лифт. В просторном холле подъезда, отделанном модной итальянской плиткой, смех отразился трехкратным эхом.

В большой квартире Эдик почувствовал себя, словно в музее. Мебель, антиквариат и старинные картины в тяжелых золотых рамах ослепили роскошью. Безукоризненная чистота кругом ошеломила.

Эдик смущенно топтался у дверей и все не решался снять обувь – стеснялся несвежих носков с дыркой на большом пальце.

В холл вышла стройная и моложавая мама Марка, чмокнула сына в макушку, пока тот переобувался, и протянула Эдику для поцелуя руку, на среднем пальце которой сверкало великолепное старинное кольцо.

– Приятно познакомиться, Бэлла Александровна, – проговорила она.

⁵ Дерьмо (англ.).

⁶ Послушай меня, пожалуйста (англ.).

⁷ С мальчиками и девочками (англ.).

Эдик, представив, как, целуя ее нежную руку, уткнется в нее своим горбатым шнобелем, ответил неловким рукопожатием.

– Э-эдик. Мне тоже... того... приятно.

Из-под пушистых длинных ресниц Бэлла Александровна быстро взглянула на гостя – и от ее взгляда у него по спине пробежали мурашки и предательски подогнулись колени. Ни одна из ровесниц не вызвала у него таких чувств. Ему, восемнадцатилетнему, женщина на девятнадцать лет старше него показалась абсолютным воплощением красоты и совершенства. Он впервые понял, что такое – женская притягательность.

Избалованная, жившая в достатке и роскоши, Бэлла не обратила особого внимания на неловкого носатого юношу, но Эдик теперь знал точно – ему нужна только эта женщина. Ему нравилось в ней все – шелковый халат на стройном теле, уложенные волнами густые волосы, ухоженное лицо с тонкими чертами и аккуратным носиком. И особенно его пленил запах духов и проступающий сквозь них аромат женского тела.

Бэлла – это богиня, которую он хотел как самую обыкновенную женщину. Он мечтал разговаривать с ней, быть рядом и обладать ею.

С того дня жизнь Эдика наполнилась новым смыслом. Теперь, с удовольствием делая любую, самую тяжелую и унижительную работу, он думал и мечтал только о Бэлле. Засыпая и просыпаясь в поту и извергая фонтан спермы на грязную, серую от бесконечных стирок студенческую простыню, он мечтал о ней, своей богине.

Эдик осторожно расспрашивал Марка о маме – чем она занимается, что любит. Для него была бесценна каждая крупица информации. Он даже осмелился спросить Марка в лоб:

– Я не понимаю, как в тридцать семь лет можно стать профессором?

Марк рассмеялся и сказал:

– Главное в нашей жизни – связи. Отец моего папы, то есть мой дед, был академиком медицины. Папа женился на маме, когда ему было уже сорок, а ей семнадцать, но он имел хорошую должность в клинике, звание профессора, а значит, деньги и власть, хотя и на среднем уровне. А через пятнадцать лет он попросил за маму, имевшую докторскую степень, своего приятеля. Так и появился новый профессор.

После слов Марка Эдик понял: чтобы обладать Бэллою, он должен стать известным и богатым. И как можно быстрее.

Вообще-то нулевой первичный капитал плюс больная бабенка – не лучшие условия для открытия бизнеса. Зато имелись желание и вера. А теперь и любовь.

Его все чаще нанимали в сиделки богатые родственники больных пациентов, чтобы совесть, что называется, была чиста. После окончания второго курса, уже практически будучи фельдшером, Эдуард решил организовать фирму по уходу за хроническими больными.

Желающих воспользоваться ее услугами оказалось много. Больные и их родственники передавали информацию о его фирме из уст в уста. Вначале Эдик сам продолжал ухаживать за пациентами, но уже через полгода он еле-еле справлялся с административными функциями.

В начале третьего курса родилась еще одна идея – посылать в богатые семьи медсестер по уходу за родильницами и новорожденными. В фирме Эдика работало больше восьмидесяти студентов. Некоторые из них, познакомившись с родственниками больного, начинали работать с ними напрямую. Отследить подобные «контакты» было практически невозможно, но Эдик и это предусмотрел. В его фирме служил отличный адвокат, поэтому работники Эдика, уходившие от него вместе с клиентами, вскоре, столкнувшись с юридическими неприятностями, например, в случае смерти больного, с извинениями возвращались под его крыло.

Появились деньги. Их было достаточно, чтобы переехать в приличную квартиру в хорошем районе. Он купил в комиссионном магазине старинную мебель и пару картин – создал из своего жилища маленькую копию квартиры Марка.

Прожив в новой квартире неделю, Эдик поехал в Вильнюс за бабенкой.

Та поначалу ворчала, но была счастлива. С единственным чемоданом и тюком белья она гордо села в такси, кивнула соседкам и громко заявила:

– От, в Москву родной внук тянет. Так я шо, сопротивляться буду? Нет. Если мальчику надо – я буду рядом. Невроко, не совсем дурная, не пропаду на новом месте. Барыней заживу.

Теперь у Эдика и бабеньки были отдельные комнаты, большая кухня и шикарная ванна.

Эдик попросил Марка, который оставался самым стильным студентом в институте, помочь ему выбрать одежду. Модные вещи тогда «доставали» и переплачивали в три-пять раз. Эдик был решительно настроен на новую жизнь, а Марку всегда было приятно давать советы относительно гардероба.

– О'кей, Эд. Ты начинаешь понимать в стиле.

Но и это еще не все. На каникулах Эдуард сделал пластическую операцию – ринопластику. Пластический хирург выставил весьма большой счет.

– Дорогой Эдуард! Я заломил высокую цену, – хирург ткнул гелевой ручкой в нос Эдика, – поскольку объект уменьшения и коррекции у вас размером с Кольский полуостров. Сами понимаете, какой объем работы.

Эдик согласно кивнул, как клюнул своим шнобелем.

– Конечно, я понимаю.

Глава 9

Эдик превратился в ухоженного красавца. За несколько месяцев удачной работы и полноценного питания: в обеденный перерыв пицца или другой фаст-фуд, а вечером ужин в кафе, – он набрал в весе, и теперь при высоком росте его фигура выглядела идеальной. Модная одежда, а главное, новый, аккуратный нос, сделали его более уверенным в себе, что проявлялось в расправленных широких плечах, жестах и во взгляде.

После двухнедельных зимних каникул Марк, увидев Эдика в коридоре института, не узнал друга и чуть было не прошел мимо.

– Марк! – окликнул его Эдуард.

– О, май харт⁸, ни фи́га себе... – Марк обернулся и медленно подошел к нему. – Да ты просто Ален Делон. Слушай, Эд, давай после занятий поедим ко мне? Папа в Америке на симпозиуме по иммунологии, а мама должна быть на даче. Замутишь вечеринку с девчонками, Костика пригласим. О'кей?

Эдик согласился сразу. Ему очень хотелось снова оказаться в том месте, где все напоминало о Бэлле Александровне. По дороге к дому он рассказывал о делах на своей фирме, о том, что давно решил на ринопластику, о хирурге, выставившем ему двойной счет.

Марк открыл дверь своим ключом и внезапно услышал:

– Марик, это ты? – Так любя Бэлла называла сына.

– Да, мамуля, – ответил Марк, стараясь не показать в голосе разочарование от ее присутствия.

Бэлла в накинутом на плечи шелковом халате вышла из комнаты. Халат сполз с левого плечика, и Эдик увидел крохотную черную родинку, словно зовущую для поцелуя. Сердце его забило – ему казалось, что оно где-то в горле. Эдик буквально онемел – так он желал свою богиню.

Бэлла разглядывала его с интересом.

– Марк, а кто этот симпатичный юноша? Почему ты нас не знакомишь?

– А, май мазер⁹, ты тоже не узнаешь? – Марк засмеялся, показывая идеальные зубы. – Это же Эдик, мы вместе учимся, он был здесь прошлой зимой, но худой и со шнобелем, размером с Кольский полуостров.

Взгляд Бэллы менялся с каждой секундой. Теперь от нее к Эдику пробежал электрический разряд. Она протянула руку, которую юноша нежно поцеловал. От прикосновения мягких, нежных губ к ее пальцам, сначала по кисти, а затем выше, к плечу, а от него к сердцу прошел ток желания. Бэлла, половину жизни изучающая человеческую сексуальность, сделала для себя приятное открытие – она нравится этому парню, он хочет обладать ею... И она тоже хочет его.

⁸ Мое сердце (англ.).

⁹ Моя мама (англ.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.